

Ф.И. Успенский

Сношения Рима с Москвой

**(Разбор трудов по русской истории о. Павла
Пирлинга)**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.И. Успенский**
Сношения Рима с Москвой: (Разбор трудов по русской истории о. Павла Пирлинга) / Ф.И. Успенский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 76 с.

ISBN 978-5-518-07180-3

ISBN 978-5-518-07180-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

налагать исторію проникъ въ самую школу. Очень часто учениковъ обучаютъ по руководствамъ, пропитаннымъ ложью. И когда къ тому присоединяется развращенность и легкомысліе учителя, юноши, сродившись съ такими повѣствованіями, легко получаютъ отвращеніе къ достопочтенной древности и пропитываются безстыднымъ презрѣніемъ къ самымъ святымъ лицамъ и вещамъ. Въ высшихъ заведеніяхъ къ ознакомленію съ фактами присоединяется изслѣдованіе причинъ. Здѣсь дѣлаютъ попытки къ построенію теорій, весьма часто стоящихъ въ явномъ противорѣчій съ Божественнымъ Откровеніемъ, которыхъ единствениый и истинный мотивъ тотъ, чтобъ извратить и уничтожить все самое спасительное въ христіанскихъ учрежденіяхъ. Такъ поступаетъ большинство, мало заботясь о томъ, что они непослѣдовательны, проповѣдуютъ нелѣпость и напускаютъ густой туманъ въ ту область, которая называется философіей исторіи“.

Было время, когда католическая духовная власть подвергала цензурѣ историческія сочиненія и вносила въ Index имена авторовъ, не сообразовавшихся съ рекомендуемыми ею взглядами; даже одинъ изъ примѣрныхъ историковъ Муратори чуть не подвергся инквизиціонному суду. Нынѣ не считается болѣе цѣлесообразнымъ прибѣгать къ этому средству; напротивъ заявляется принципъ борьбы съ превратными идеями на почвѣ историческихъ изслѣдованій, на почвѣ научной. Именно эта-то сторона документа и обращаетъ на себя наше вниманіе. Признавалъ за исторіей воспитательное значеніе и усматривалъ въ ней политическое орудіе, которымъ стали пользоваться противъ церкви, папа задается грандіозною мыслью, которую и сообщаетъ кардиналамъ къ исполненію,—овладѣть этимъ орудіемъ и разить имъ враговъ католической церкви и папства.

„Нужно“—говорится далѣе—„постараться выставить на видъ безмѣрные заслуги папства по отношенію къ Европѣ и по преимуществу къ Италіи (стр. 356—358)... Но въ особенности слѣдуетъ всѣми способами воспрепятствовать тому, чтобъ изъ благороднаго занятія исторіей дѣлали язву общественную. За исторію должны взяться люди съ добрымъ сердцемъ, не чуждые научныхъ занятій, дабы она была отраженіемъ истины и искренности, дабы оскорбительныя обвиненія, давно уже собираемыя противъ Римскихъ первосвященниковъ, пристойно и научно были разсѣяны, дабы тощимъ повѣствованіямъ противопоставлены были трудолюбивыя и зрѣлыя изслѣдованія, дабы вмѣсто безразсудныхъ мнѣній выставлено было разумное сужденіе, вмѣсто не доказанныхъ положеній явилась ученая критика. Надобно энергически

приняться за опроверженіе лжи и клеветы, прибѣгнувъ для того къ источникамъ (стр. 359)... Потребно для школъ составить такіе учебники, которые, заключая въ себѣ одну истину, предостерегая молодыхъ людей отъ опасности, возвысили бы и искусство историка. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужно сначала составлять обширныя историческія изслѣдованія, согласно съ самыми точными документами, и затѣмъ дѣлать изъ нихъ извлеченія самыхъ существенныхъ частей, которыми излагать ясно и кратко; задача собственно говоря не трудная, но весьма полезная и, слѣдовательно, достойная того, чтобы къ ней приложили трудъ благородные умы. Эта задача заниматься исторіей никогда не была чужда церкви (стр. 360)... Въ настоящее время она имѣетъ къ тому особенныя побужденія: Ибо если врагъ черпаетъ свои средства въ исторіи, церковь должна употребить на защиту равное оружіе и удвоить свои силы тамъ, откуда производится самая сильная атака, дабы съ большимъ успѣхомъ отбить нападеніе.

„Съ этою цѣлью мы уже распорядились, чтобъ открыты были для пользованія всѣ источники, которыми располагають наши архивы. Нынѣ объявляемъ, что для изготовленія историческихъ произведеній, о которыхъ говорено выше, наша Ватиканская бібліотека представитъ нужные матеріалы. Мы не сомнѣваемся, что вы легко найдете содѣйствіе въ ученыхъ людяхъ, опытныхъ въ искусствѣ писать исторію, между которыми имѣете распредѣлить темы сообразно со способностями каждаго—по установленнымъ правиламъ. А всѣмъ тѣмъ, кто посвятитъ себя этому предмету, мы рекомендуемъ ревность и мужество и обѣщаемъ наше полное благорасположеніе. И въ самомъ дѣлѣ, это предпріятіе заслуживаетъ нашего вниманія и попеченія, и мы ожидаемъ отъ него неисчислимыя плоды“.

Воззваніе папы Льва XIII должно отозваться въ близкомъ будущемъ важными результатами, ибо стѣитъ вспомнить громадныя рукописныя богатства, тщательно сохраняемыя въ архивахъ Ватикана: отъ открытія свободнаго къ нимъ доступа несомнѣнно выиграють многіе запутанные или неясные вопросы. Наверное можно ожидать также важныхъ пріобрѣтеній для русской и славянской науки. Но появленіе новыхъ историческихъ трудовъ, составленныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ Ватикана, въ свою очередь должно будетъ сопровождаться и у насъ оживленіемъ интереса къ вновь выдвигаемымъ вопросамъ. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ очень важною и пріятною темой, исполняемою о. Пирлингомъ.

Рядъ сочиненій о. Пирлинга заслуживаетъ серьезнаго вниманія

не только потому, что разрабатываемая имъ тема вполне принадлежить къ русской исторіи, но также по новымъ и въ первый разъ вводимымъ въ оборотъ архивнымъ матеріаламъ, а равно и по достигнутымъ ихъ изученіемъ результатамъ. Какъ духовное лицо католической церкви, о. Пирлингъ имѣлъ свободный доступъ къ такимъ секретнымъ дѣламъ въ Ватиканскомъ архивѣ, которыми до него никто еще не пользовался; хорошее знаніе русскаго языка ¹⁾ позволило ему, съ другой стороны, овладѣть и русскою литературой по изучаемому предмету; далѣе онъ знакомъ съ польскими архивами, а также съ венеціанскимъ и флорентійскимъ, въ которыхъ русская исторія не разъ находила разъясненіе по нѣкоторымъ вопросамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ любовно и задушевно относится къ своему предмету и съ глубокимъ увлеченіемъ входитъ въ разъясненіе запутанныхъ деталей. Не будемъ, говоритъ онъ,—сѣтовать на нашихъ предшественниковъ, что они не вполне исчерпали матеріалы, ибо это доставило намъ восхитительныя минуты. Ничего нельзя сравнить съ высочайшимъ наслажденіемъ, какое испытываешь, выискивая тайну у прошедшаго и восстанавливая забытую исторію: кто умѣетъ вкушать такое удовольствіе, не можетъ считать себя несчастнымъ. Указанныя качества и свойства трудовъ о. Пирлинга возлагаютъ на рецензента обязанность быть серьезнымъ и искреннимъ при оцѣнкѣ его положеній и выводовъ.

Сочиненія о. Пирлинга мы будемъ разсматривать въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) *Rome et Moscou (1547—1579). Paris 1883.*
- 2) *Grégoire XIII et Ivan le Terrible (Revue des Questions Historiques, avril 1883).*
- 3) *Antonii Possevini Missio Moscovitica. Parisiis 1882.*

¹⁾ Павелъ Осиповичъ Пирлингъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1840 г. и обучался во второй Петербургской гимназіи. Дальнѣйшее образованіе и научную подготовку получилъ за границей, куда переселился въ 1856 году. Онъ специально занимался историческими, богословскими и философскими науками въ Вѣнѣ, Инсбрукѣ и Римѣ и получилъ степень доктора по этимъ наукамъ отъ Римскаго Григоріанскаго университета. Получивъ мѣсто секретаря при генералъ орденъ іезуитовъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ архивами Рима, Флоренціи и Венеціи. Въ 1879 г. совершилъ путешествіе съ научною цѣлью на Балканскій полуостровъ. Въ настоящее время живетъ въ Парижѣ и издаетъ въ *Bibliothèque slave Elzévirienne* рядъ монографій о сношеніяхъ Рима съ Москвой. По всей вѣроятности, эти монографіи послужатъ основаніемъ для обширнаго труда по весьма важному и для насъ вопросу.

4) Rome et Démétrius d'après des documents nouveaux. Lyon 1877.

5) La Sorbonne et la Russie (1717—1747). Paris 1882.

Въ монографіи „Rome et Moscou“ (стр. 161+VIII) разбираются сношенія между Римомъ и Москвой въ царствованіе Ивана Грознаго. Книга оканчивается на событіяхъ 1581 г., когда Римская курія поручила до сихъ поръ довольно неудачную негоціацію на Востокъ знаменитому Антонію Поссевино, который и сумѣлъ дать ей иное направленіе. По всѣмъ вѣроятіямъ, дипломатическая дѣятельность Поссевина составитъ особое изслѣдованіе, къ которому сдѣланъ уже важный шагъ, какъ изданіемъ его „Missio Moscovitica“, такъ и нѣсколькими статьями въ R. d. Q. II. Въ самомъ дѣлѣ, историку нельзя остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ прерывается книга „Rome et Moscou“, ибо дѣятельность Поссевина на Востокъ составляетъ кульминаціонный пунктъ въ исторіи католицизма XVI в., такъ что вся исторія предыдущихъ неудачныхъ попытокъ завязать сношенія съ Москвой служить, на нашъ взглядъ, лишь прологомъ къ событіямъ послѣднихъ двадцати лѣтъ этого столѣтія. Несомнѣнно, самый живой историческій интересъ приобрѣтають сношенія Рима съ Москвой начиная съ 1580 г., со времени московскаго посольства въ Римъ, которое исправлялъ Истомъ Шеврингъ. И роль А. Поссевина въ замиреніи Стефана Баторія и Грознаго 15-го января 1582 г. не можетъ быть понятна безъ связи съ московскимъ посольствомъ въ Римъ. Но къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай возвратиться въ свое время, тѣмъ болѣе что во взглядѣ на значеніе роли Поссевина мы не согласны съ авторомъ. Не хотимъ также предрасполагать мнѣніе читателя характеристикой личныхъ взглядовъ и воззрѣній о. Пирлинга или указаніемъ общихъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ изъ изученія эпохи. Будемъ смотрѣть на дѣло безпристрастно, устранивъ пока вѣроисповѣдную точку зрѣнія.

Первая глава (стр. 1—38) посвящена разъясненію „мистификаціи“ Шлиттена и Штейнберга, то-есть, Штемберга. Какъ извѣстно, въ 1547 г. царь Грозный сдѣлалъ порученіе проживавшему въ Москвѣ саксонскому уроженцу Гансу Шлиттену отпраздновать въ Германію и нанять нужныхъ для царя людей—ученыхъ, врачей и разнаго рода мастеровъ. Особой важности заслуживаетъ здѣсь вопросъ о текстѣ данной Шлиттену грамоты и о характерѣ полученныхъ имъ отъ царя полномочій. Оригиналъ этой грамоты не отыскало ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ архивахъ. Но содержаніе ея возстановляется по офиціальному нѣмецкому переводу (Faber—Preussisches Archiv, III-te

Sammlung, 9), изъ котораго видно, что Шлиттену поручено было только нанять мастеровъ и врачей и людей, знающихъ латинскій и пѣмецкій языкъ, на полномочіе же трактовать о другихъ дѣлахъ нѣтъ и намека. Между тѣмъ изъ посольства Шлиттена разыгралась цѣлая исторія. Получивъ отъ Карла V позволеніе вербовать людей, Шлиттенъ нанялъ 123 человекъ и уже возвращался въ Москву черезъ Ливонію, когда его постигло несчастье. Именно, онъ былъ задержанъ въ Любекѣ и принужденъ распустить бывшихъ при немъ людей, при чемъ самъ заключенъ былъ въ тюрьму, гдѣ и содержался около двухъ лѣтъ. Здѣсь и начинается мистификація, о которой представимъ слово автору (стр. 12—14).

„Неудача однако не поколебала Шлиттена и не ослабила его предпріимчивости. Въ 1550 г. онъ снова принимается за дѣло. Съ этихъ поръ мистификація становится очевидною, и важно прослѣдить ея происхожденіе. Мы видѣли, что посольство Шлиттена вызвано было исключительно просвѣтительною идеей. Предпріятіе не удалось, переписка съ Москвою прекратилась, и ничего не произошло, что измѣнило первоначальный характеръ дѣла. При отсутствіи новыхъ инструкцій изъ Кремля изобрѣтательный Шлиттенъ придумываетъ новыя комбинаціи. Два обстоятельства должны были произвести на него впечатлѣніе въ Москвѣ: почти суевѣрное почитаніе Иваномъ своего царскаго титула и многочисленные сходства между Русскою и Римскою церковью, а слѣдовательно, легкость уніи. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ самъ ясно выражается въ письмѣ къ Датскому королю Христіану III. Конечно, на основаніи подобныхъ соображеній онъ составилъ проэктъ, отличающійся больше смѣлостью, чѣмъ практичностью: получить отъ папы королевскій титулъ для царя и убѣдить этого послѣдняго подчиниться папѣ. Новый католическій Московскій король будетъ могущественнымъ союзникомъ противъ Турокъ и защитникомъ Римской церкви, вслѣдствіе чего измѣнилась бы вся европейская политическая система. Но какъ взяться за дѣло, чтобъ осуществить такое широкое и важное предпріятіе? Съ свойственнымъ ему легкомысліемъ Шлиттенъ передаетъ званіе московскаго канцлера одному австрійскому дворянину, по имени І. Штембергу, поручаетъ ему веденіе переговоровъ въ Римѣ и обязываетъ принести отиѣтъ въ Москву, гдѣ обѣщаетъ ему хорошую награду. Една ли нужно объяснять, что право Шлиттена давать другому званіе канцлера было также сомнительно, какъ и его титулъ посла, и какъ легкомысленно было все предпріятіе“.

Въ книгѣ „Rome et Moscou“ мистификація Шлиттена составляетъ краеугольный камень, послужившій основаніемъ зданія, равно какъ въ той же мистификаціи ключъ къ открытію истины въ сношеніяхъ Рима съ Москвой при Иванѣ Грозномъ. Прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ мысли автора, намъ нужно остановиться на провѣркѣ его основнаго положенія. Могъ ли Шлиттенъ самовольно принятымъ на себя званіемъ, передачей мнимыхъ полномочій другому лицу, наконецъ, подложными грамотами ввести въ обманъ папу, императора и Польскаго короля, то-есть, одурачить, можно сказать, главнѣйшихъ дипломатовъ того времени, еслибъ онъ не былъ къ тому подстроенъ и попущенъ? Достаточно ли оцѣнены относящіеся до негоціаціи Шлиттена и Штемберга извѣстія, и нѣтъ ли въ нихъ указаній на главныхъ виновниковъ мистификаціи?

Нельзя признать счастливымъ планъ работы о. Пирлинга. Для достиженія предположенныхъ цѣлей неудобно было начинать 1547 годомъ исторію сношеній Рима съ Москвой. Полагая въ дѣлѣ Шлиттена исходный моментъ для выясненія дальнѣйшихъ отношеній, авторъ далъ этимъ хорошее оружіе противнику. Если нѣтъ оригинала вѣрительной грамоты Шлиттену, то и выводы объ его полномочіяхъ и объ его правѣ говорить то, а не другое, могутъ быть спорны и во всякомъ случаѣ необязательны. Совокупность же вопросовъ, поднимаемыхъ въ дѣлѣ Шлиттена—латинская унія, королевскій вѣнецъ, лига противъ Турокъ—необходимо побуждаетъ расширить историческій кругозоръ и уже никакъ не ограничиваться скудными матеріалами, относящимися къ данному лицу и событію. Словомъ, ради исторической перспективы и для лучшаго освѣщенія картины автору слѣдовало нѣсколько выступить изъ границъ времени Грознаго.

Мы думаемъ, что исторія сношеній Рима съ Москвой находится въ тѣсной связи съ тогдашнимъ состояніемъ Восточнаго или турецкаго вопроса и съ ходомъ развитія реформаціи. Въ виду того, что въ инструкціяхъ, которыми снабжались отправляемые изъ Рима въ Москву послы, видную роль играетъ унія на основаніяхъ Флорентійскаго собора и вопросъ о константинопольскомъ наслѣдствѣ, мы полагаемъ, что точкой отправленія въ исторіи сношеній Рима съ Москвой долженъ быть Флорентійскій соборъ и бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ. Соглашаясь, что такая широкая программа не входила въ задачу монографіи о. Пирлинга, мы готовы поступиться для него всѣмъ XV столѣтіемъ. Но уступать болѣе нельзя, и при-

томъ въ интересахъ его же темы. Въ самомъ дѣлѣ, въ первомъ оригинальномъ документѣ сношеній Грознаго съ Римомъ, именно въ письмѣ къ папѣ Григорію XIII, отправленномъ съ Истомою Шеврингивымъ, опредѣленно указана историческая связь подлежащихъ изученію фактовъ. Иванъ Грозный ссылается на сношенія съ Римомъ своего отца: „Въ прежнихъ лѣтѣхъ межъ отца нашего блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Василѣя Ивановича всея Русіи прежніе папы Римскіе о любви и о соединеніи ссылалися... какъ прежь сего прежніе папы Римскіе съ нашимъ отцомъ—были въ любви и въ ссылкѣ межъ собою“ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, X, столб. 2, 12). О. Пирлингъ не въ пользу изучаемой имъ темы уклонился по крайней мѣрѣ отъ бѣглаго обзора сношеній Рима съ Москвой при Василиѣ III. Это, во первыхъ, облегчило бы для него трудъ разобратъ въ дѣйствительно загадочномъ вопросѣ о мистификаціи Шлихтена, а во вторыхъ, это дало бы ему средства поставить на видъ основныя сюжеты, которые съ большею или меньшею подробностью развиваются во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Рима съ Москвой въ XVI в. Извѣстно, что въ дипломатическихъ сношеніяхъ разъ установившіяся формы и извѣстнаго рода традиціи въ способѣ обращеній, въ самомъ характерѣ веденія переговоровъ играютъ обязательное значеніе для переговаривающихся сторонъ. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ предметы переговоровъ въ сущности остаются одни и тѣ же, и основная инструкция, съ небольшими измѣненіями и прибавленіями вновь получаемыхъ о Москвѣ данныхъ, повторяется почти во всѣхъ грамотахъ, посылаемыхъ изъ Рима въ Москву; то же самое можно сказать и о письмахъ Московскихъ царей къ папамъ. Отсюда вытекаетъ, что для комментарія и раскрытія смысла краткой инструкции необходимо прибѣгать къ сличенію ея съ цѣлымъ рядомъ подобнаго же рода документовъ и искать указаній и сравненій въ другихъ источникахъ, которые иногда не имѣютъ по происхожденію ничего общаго съ официальными актами римской или московской канцеляріи. Въ виду важности предмета и по другимъ соображеніямъ считаемъ необходимымъ пополнить то, чего недостаетъ въ книгѣ о. Пирлинга.

Сравнивая состояніе вопроса о сношеніяхъ Рима съ Москвой въ русской исторической литературѣ съ содержаніемъ доступныхъ для изученія источниковъ, мы можемъ смѣло сказать, что послѣдніе недостаточно изучены и не вполне исчерпаны. Разумѣемъ не только

общія сочиненія по русской исторіи (Карамзинъ и Соловьевъ), но и посвященные специально этому вопросу, каково, напримѣръ, сочиненіе графа Д. А. Толстаго „Вѣстопомянутыя въ Россіи“, гдѣ сношенія Рима съ Москвой при Василіѣ III удѣлено лишь нѣсколько страницъ. Позволяемъ себѣ прежде всего указать, или лучше, напомнить — что есть въ литературѣ по части матеріаловъ для изученія сношеній Рима съ Москвой при Василіѣ III.

Въ 1834 г. протоіерей Григороничъ издалъ нѣсколько официальныхъ актовъ, извлеченныхъ изъ бібліотеки Барберини въ Римѣ, снабдивъ ихъ переводомъ и примѣчаніями. Книга г. Григоронича носитъ заглавіе: „Переписка напѣ съ Россійскими государями въ XVI вѣкѣ“ (С.-Пб. 1834).

Въ томъ же году Итальянецъ Себастьяно Чіампи опубликовалъ бібліографическій указатель рукописныхъ матеріаловъ, касающихся сношеній Рима съ Россіей и Польшей: Sebastiano Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, litterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia (Firenze 1834). Мы не разделяемъ взглядовъ тѣхъ изслѣдователей, которые слишкомъ высоко относятся къ труду Чіампи, заподозривая его въ недобросовѣстности. Скорѣе упрекъ можно сдѣлать ему какъ издателю, такъ какъ онъ расположилъ свой матеріалъ въ безпримѣрномъ безпорядкѣ. Нужно напередъ хорошо изучить эпоху и связь фактовъ и долго присматриваться къ тремъ томамъ сборника, прежде чѣмъ получить возможность извлечь у Чіампи нужное.

Въ 1841 г. появилось собраніе актовъ А. Н. Тургенева, три тома: *Historica Russiae Monumenta*, выписки изъ Ватиканскаго архива и изъ другихъ бібліотекъ. Изданіе Тургенева безусловно необходимо для изученія исторіи сношеній Рима съ Москвой.

Важные для нашего вопроса акты разсѣяны въ сборникѣ Тейнера и отчасти у Шуйскаго (*Scriptores rerum Polonicarum, Cracoviae 1872*), равно какъ въ *Acta Tomiciana*.

Вполнѣ серьезную и научную обработку изданныхъ матеріаловъ съ присоединеніемъ новыхъ документовъ, найденныхъ въ императорскомъ архивѣ въ Вѣнѣ, представляетъ мало у насъ извѣстный трудъ Фидлера (*Fiedler, Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Römischen Kirche im XVI Jahrhunderte*, помѣщенный въ *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien 1860, томъ 40, S. 27—123*).

Но одними офіціальними актами нельзя удовлетвориться въ изученіи исторіи сношеній Рима съ Москвою. Есть еще рядъ частныхъ писемъ, донесеній, путешествій и т. п. источниковъ, важность которыхъ усматривается изъ того, что они вліяли на редакцію офіціальныхъ актовъ и на выработку приемовъ, которыми въ Римѣ надѣялись произвести эффектъ въ Москвѣ. Соотношенія между первыми и вторыми источниками у насъ еще до сихъ поръ не были показаны. Извѣстія путешественниковъ изданы Аделунгомъ (*Adelung, Kritische Uebersicht der Reisenden in Russland*; на русскомъ языкѣ въ Чтеніяхъ Московск. Общества исторіи и древностей, ч. I, 1863 г.). Иностранные писатели о Россіи изданы частію Семеновымъ (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, С.-Пб. 1836: Барбаро, Контарини, Кампензе и П. Іовій; т. II, С.-Пб. 1847: Герберштейнъ), — съ большею полнотою, но безъ перевода, Старчевскимъ (*Starczewski, Historiae Ruthenicae Scriptores exteri, Berolini et Petropoli 1841*: Герберштейнъ, П. Іовій, Фаберъ, Гваньини, Морони, Кобенцель и нѣсколько піесъ, относящихся до миссіи А. Поссевина). Все это даетъ достаточный матеріалъ для исторіи сношеній между Римомъ и Москвою при Василіѣ Ивановичѣ III.

Честью высокаго мнѣнія о себѣ въ западной Европѣ Россія обязана не авантюристу Шлиттену, а другимъ почтеннымъ дипломатамъ и писателямъ. Записки барона Герберштейна и извѣстія Павла Іовія—вотъ гдѣ главнѣйшій источникъ свѣдѣній, циркулировавшихъ въ западной Европѣ о Россіи XVI в. Для насъ оба эти писателя имѣютъ національное значеніе, и можно пожалѣть, что знакомство съ ними не такъ у насъ распространено, какъ бы того они заслуживали. Подъ вліяніемъ Герберштейна и Іовія составлено нѣсколько дописеній и реляцій о Россіи, въ особенности Венеціанцами, которые были также того мнѣнія, что на Россію стѣдуетъ обратить вниманіе въ виду грознаго для всей Европы Восточнаго вопроса. Словомъ, усматривается цѣлый рядъ литературныхъ явленій сочувственныхъ Россіи и оправдывающихъ приготовляемую ей роль въ рѣшеніи Восточнаго вопроса. На эти литературные факты и слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе, потому что въ нихъ заключается разгадка сношеній Рима съ Москвою при Грозномъ.

Въ періодъ съ 1517 по 1528 г. одновременно съ двухъ сторонъ начинается посвященіе Россіи въ европейскую политику, со стороны императора и папы. Императоръ Максимилианъ отправляетъ для переговоровъ въ Москву Сигизмунда Герберштейна, который оставался

у насъ съ апрѣля по ноябрь 1517 г. Въ письмѣ на имя Василя III (Памятники дипломатическихъ сношеній, I, 195) между прочимъ изложено: „Извѣстно всей вселенной какъ давно христіанскіе государи междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, и никакой отъ того христіанству пользы быть не могло, ибо невѣрные и враги христіанскаго имени (то-есть, турки и татары) того ради смѣлѣе и угоднѣе дѣла свои дѣлать могли и полонили много людей и отняли у нашихъ многія царства, мѣста и государства, и покорили своей власти“. Поэтому императоръ и рѣшился принять мѣры къ достиженію мира между христіанскими государами. И Господь уже благословилъ его дѣло, 26 государей въ дружбѣ съ нимъ, остаются внѣ этого союза лишь Русь и Польша. Къ характеристикѣ положенія, которое занималъ, Турецкій вопросъ въ переговорахъ императора съ великимъ княземъ любопытно еще слѣдующее мѣсто (Памятники I, 356). Тотъ султанъ Селимъ въ прибавленіи своего чина и въ разореніи царя Персидскаго и въ побѣдахъ недавнихъ надъ двумя султанами Египетскими возвысился, тщится обновить и умножить войско свое земное и морское, чтобы попытать счастья и противъ христіанъ. Султанъ держитъ лучшія земли въ трехъ частяхъ свѣта, и что еще хуже—четыре патріаршества „подъ конхъ правиломъ въ духовныхъ наипаче падется высость ваша со всѣми своими людьми“. Нужно постараться уберечь хоть ту часть Европы, которая остается еще внѣ его власти и которой онъ весьма угрожаетъ. И больше всего опасно положеніе Московскаго князя „для разстоянія отъ его государствъ, отъ толь лютаго врага“. Ибо Татары, которые живутъ между Турками и Москвитами, не отличаются отъ нихъ ни обычаями, ни вѣрой, но могутъ составить грозную коалицію, разстояніе же между вами небольшое. Побѣди султанъ такъ еще какое христіанское государство, „очередъ будетъ прямо за вашей напачестью“.

Переговоры Герберштейна усложнялись московско-польскими раздорами. Скоро Русскіе замѣтили, что для него дороже интересы Польши и Литвы, а потому недовѣрчиво отнеслись къ предложеніямъ относительно Турецкаго вопроса и европейской лиги. Въ 1526 г. Герберштейнъ во второй разъ исправлялъ посольство въ Москву, гдѣ провелъ шесть мѣсяцевъ. Результатомъ вторичнаго его пребыванія въ Россіи были „Записки о Московіи“, одинъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ, написанныхъ о Россіи иностранцами. Три раза Записки Герберштейна переведены были на русскій языкъ: въ журналъ Воспоми-